

ТЕО МАРЕН

ОТРАЖЕНИЕ
В КРИВЫХ ЗЕРКАЛАХ

18+

Тео Марен

Отражение в кривых зеркалах

«Автор»

2026

Марен Т.

Отражение в кривых зеркалах / Т. Марен — «Автор», 2026

«Отражение в кривых зеркалах» — исследование механизмов религиозной демонизации в XXI веке. На примере Хабада-Любавич автор показывает, как стигма превращается в насилие. Это книга в защиту свободы совести, человеческого достоинства и основ цивилизованного общества.

© Марен Т., 2026

© Автор, 2026

Тео Марен

Отражение в кривых зеркалах

Отражение в кривых зеркалах

Тео Марен

Содержание

Введение

Глава 1: Хабад-Любавич — жертва зеркальной пропаганды

Глава 2: Трамп как инструмент демонизации

Глава 3: Преодоление демонизации — уроки истории

Источники

Введение

В общественном сознании многих обществ на протяжении истории укоренялась установка, что «евреи — это плохо», своего рода изначальный изъян. Эта установка передавалась как самоочевидная и не требующая доказательств. Мы зачастую усваиваем подобные навязанные ярлыки, впитывая их с гулом толпы и заголовками газет, не задавая вопросов и не пытаясь заглянуть за занавес. Этот липкий туман стереотипов окутывает разум, заставляя нас верить в ложь. Механизм стереотипизации работает тем эффективнее, чем дольше он существует и чем чаще повторяется. Мы соглашаемся жить в мире готовых ответов, даже не осознавая, что стали заложниками устойчивых культурных и политических конструкций, формировавшихся на протяжении столетий. Это опасная и трагическая подмена, где живой человек исчезает, уступая место «фантому», сотканному из чужих страхов и политических амбиций. Но молчание в ответ на несправедливость становится формой соучастия, закрепляет её как норму. В этой жизни ничего не бывает просто так. От личных драм до общественных катастроф — всё взаимосвязано смыслами. История показывает: дегуманизация начинается со слова — и нередко заканчивается насилием.

В этой книге не просто пересказ истории одного из самых значимых духовных движений современности, а попытка глубокого расследования — по следу тех, кто профессионально занимается созданием ненависти. Данное исследование — это попытка сохранить пространство для истины в условиях её систематического искажения. Это приглашение читателя к честному диалогу, к совместному поиску ответов на неудобные вопросы и к разоблачению тех механизмов, которые веками использовались для того, чтобы гасить свет, прикрываясь заботой о безопасности.

Глава 1: Хабад-Любавич — жертва зеркальной пропаганды

История человеческого духа часто напоминает путь света, пробивающегося сквозь плотные слои тумана, и мало какое явление иллюстрирует этот путь столь ярко, как история дви-

жения, родившегося в регионах Восточной Европы в конце XVIII века. Для понимания сути того, что сегодня известно всему миру под именем Хабад, мы должны перенестись в то время, когда традиционный мир восточноевропейского еврейства переживал глубокий кризис. Это была эпоха, когда между сухим академизмом талмудистов и эмоциональным порывом раннего хасидизма возникла пропасть, и именно тогда на сцене появился человек исключительного интеллектуального масштаба — раввин Шнеур-Залман из Ляд. Он предложил нечто иное, революционное: путь, в котором мистическое озарение не противоречит строгости разума, а становится его высшим проявлением.

Само название Хабад является акронимом трех ивритских слов — Хохма, Бина и Даат. Хохма — это первичная вспышка интуиции, чистое зерно идеи, приходящее из ниоткуда. Бина — это детальное понимание, процесс, в котором эта вспышка анализируется, расширяется и обретает логическую структуру. И, наконец, Даат — это не просто знание, а внутреннее усвоение, когда идея проникает в самое сердце и становится движущей силой поступка.

Это и был «интеллектуальный хасидизм»: учение, требующее от человека не слепой веры, а глубочайшей внутренней работы ума, способного дисциплинировать чувства и направлять их к высшей цели. Этот синтез разума и духа оказался необычайно жизнеспособным, хотя история испытывала его на прочность с беспощадной регулярностью. Первый Ребе, основатель движения, познал тяжесть тюремных застенков еще при царском режиме, столкнувшись с доносами и подозрениями. Но те испытания были лишь прелюдией к катастрофам XX века. Когда на просторах бывшей Российской империи воцарился воинствующий атеизм, именно Хабад стал тем стержнем, вокруг которого сохранялась искра еврейской жизни.

В годы советских репрессий, когда само преподавание традиции приравнивалось к государственному преступлению, последователи движения выстраивали сеть подпольных школ и общин. Это было время тихого героизма, когда за сохранение духовной идентичности платили годами ГУЛАГа и многолетними репрессиями. Шестой Ребе, Йосеф Ицхак Шнеерсон, прошел через смертные приговоры и изгнание, но не сломился, сумев перенести центр движения в Америку в самый разгар Холокоста. Казалось, европейская ветвь была практически уничтожена пламенем войны, но именно в Нью-Йорке, в Бруклине, началось то, что позже назовут «чудом возрождения». Седьмой Ребе, Менахем-Мендель Шнеерсон, превратил Хабад из небольшой группы беженцев в глобальную духовную империю.

Обладая образованием инженера Сорбонны и глубиной каббалистического мудреца, он понимал, что в современном мире выживет лишь то, что открыто миру. Он провозгласил эпоху «посланничества», отправив молодые семьи в самые отдаленные уголки планеты не для того, чтобы навязывать убеждения, а, чтобы быть источником тепла, образования и помощи для каждого, кто в этом нуждается. Так началась «революция доброты», масштаб которой трудно переоценить. Сегодня сеть посланников, известных как Шлухим, охватывает более 100 стран и территорий. Дома Хабада стали островами гостеприимства, где двери открыты для всех — от затерявшихся в горах туристов до тех, кто оказался на обочине жизни.

Это не просто религиозные центры, это огромная социальная инфраструктура: образовательные проекты, охватывающие тысячи детей, современные медицинские инициативы, реабилитационные центры для борьбы с зависимостями и масштабные программы помощи малоимущим. Удивительной чертой Хабада стала его инклюзивность — помощь здесь не обусловлена религиозной принадлежностью или уровнем соблюдения традиций. Философия движения утверждает, что в каждом человеке есть искра божественного света, и задача Шлиаха — помочь этой искре разгореться. Это открытое служение, прозрачность действий и готовность к диалогу с любым обществом сделали Хабад одной из самых заметных и уважаемых сил в современной гуманитарной сфере. Однако именно эта открытость, этот успех и глобальное влияние в последние десятилетия стали причиной того, что над движением начали сгущаться тучи.

Существует странный и пугающий парадокс в том, как современный мир реагирует на чистоту намерений. В эпоху, когда информация стала оружием, прозрачность и активная социальная позиция Хабада внезапно превратились в мишень для манипуляций. В последние десятилетия мы стали свидетелями феномена, который исследователи пропаганды называют «зеркальным методом». Суть его проста и коварна: «цели» приписываются ровно те черты, которыми обладает агрессор, а её действия интерпретируются в логике заговора. Хабад, будучи движением глобальным и одновременно глубоко укорененным в местных общинах, оказался в уникальной и трагической ситуации. Успех Хабада в строительстве общин и его способность находить общий язык с властями разных стран интерпретируется не как результат тяжелого труда и служения, а как доказательство «тайного заговора». Почему именно Хабад стал идеальным объектом для «зеркальной пропаганды» и как работают механизмы, позволяющие превращать благотворительность в шпионаж, а образование — в угрозу национальной безопасности в глазах ослепленной толпы?

Наглядным примером, отражающим стандартные черты «зеркальной пропаганды», является история противостояния, развернувшегося вокруг еврейской общины «Хабад Любавич» в Перми. В период с 2009 по 2016 год маргинальные на первый взгляд группы антикультистов, прикрываясь щитом «православия» и «патриотизма», выстраивали систему идеологического подавления, которая в конечном итоге создавала риск перехода в открытую фазу физического насилия. Процесс этот имел четкую хронологию, своих идеологов, свою «пехоту» и свою визуальную эстетику, пропитанную архаичными страхами и современными политехнологиями.

Началом системной подготовки можно считать 2009 год. Именно тогда в структуре Пермской епархии Русской православной церкви был официально создан Отдел духовной безопасности и помощи жертвам деструктивных культов. Руководителем этой структуры стал Евгений Ошмарин, фигура, чья роль в радикализации регионального дискурса до сих пор недооценена. В официальном сообщении Патриархии указывалось, что ему поручалась организационная работа по учреждению в Перми филиала «Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Ириней, епископа Лионского». Центр является ядром Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), возглавляемой Александром Дворкиным.

Однако в пермских условиях антикультистская риторика быстро вышла за рамки споров о «кришнаитах» или «саентологах». Под руководством Ошмарина началось формирование негативного образа, причем еврейское движение Хабад было выбрано в качестве одной из ключевых мишеней. Ошмарин проводил закрытые и открытые лекции для священнослужителей и мирян, где демонстрировал методы «сектантской вербовки».

В этих стенах выковывался ключевой тезис антикультовой пропаганды: традиционная религиозная община объявлялась «экстремистской сектой», чьи действия якобы угрожают национальной безопасности России. Это позволило антисемитизму, доселе считавшемуся в приличном обществе неприемлемым, легитимизироваться под маской «научного сектоведения» и «защиты традиционных ценностей».

Переход от кабинетного теоретизирования к практическому насилию наметился в 2013 году. К этому времени в Перми уже был сформирован густой информационный фон, в котором любавичские хасиды фигурировали как «оккупанты» и «чужаки». Важным катализатором процесса стало выступление известного экономиста и публициста Михаила Делягина. В марте 2013 года он опубликовал программный текст, в котором в резких тонах критиковал деятельность Хабада, фактически призывая к запрету этой организации на территории страны. Делягин, обладающий статусом федерального эксперта, придал местечковым страхам «интеллектуальный» лоск и глобальный масштаб.

Реакция не заставила себя ждать. В марте 2013 года, в день публикации резонансных заявлений, Еврейский общинный центр на улице 25 Октября подвергся нападению. В окно здания были брошены бутылки с зажигательной смесью. Лишь благодаря бдительности охраны и

случайности пожар не привел к человеческим жертвам, хотя здание еврейской школы серьезно пострадало. Это была первая «проба огня», демонстрация того, что слова о «духовной безопасности» легко превращаются в реальные «коктейли Молотова».

Полиция задерживала подозреваемых, чьи головы были забиты тезисами о «спасении нации» от вымышленной угрозы. Однако вдохновители инцидента остались в тени, а само событие было подано в националистических кругах не как преступление, а как акт «народного сопротивления».

К 2016 году антисемитская кампания в Перми приобрела черты массового уличного перформанса. Основным поводом стало обсуждение выделения участка земли под строительство еврейского благотворительного центра. В этот период на авансцену выходят фигуры, олицетворяющие странный симбиоз экологического активизма, православия и ультраправого радикализма. Ключевым действующим лицом стал Роман Юшков. Его биография — наглядный пример того, как либеральный по своей сути протест может мутировать в агрессивный ксенофобский проект. Бывший экоактивист и доцент университета, Юшков к 2016 году окончательно превратился в идеолога уличного антисемитизма.

Вместе с ним действовала Елена Зыкина, чей эмоциональный и экзальтированный стиль выступлений был направлен на мобилизацию женской и обывательской аудитории, и Дмитрий Касьянов, возглавлявший Ассоциацию православных спортивных клубов. Участие Касьянова привнесло в протест элемент силовой угрозы. «Православные спортсмены» — молодые люди крепкого телосложения из клуба «Пересвет» — стали регулярными участниками пикетов, создавая атмосферу физического давления на оппонентов.

Пикеты 2016 года поражали своей визуальной агрессией. Это уже не были скромные протесты против точечной застройки. На тротуарах Перми запестрели плакаты, содержание которых апеллировало к самым мрачным пластам человеческого подсознания. Надписи гласили: «Наши дети — не для ритуальных убийств», «Хабад-Любавич = Сатанизм», «Дайте голос гоям». Здесь механика зеркальной пропаганды работала на полную мощность. Обвинение в «ритуальных убийствах» — классический кровавый навет, веками служивший прелюдией к погромам, — было реанимировано и адаптировано к современности. Объявляя хасидов «сатанистами», участники пикетов сами приносили в городскую жизнь элементы деструктивного культа ненависти. Лозунг «Дайте голос гоям» был призван создать иллюзию того, что большинство населения Перми находится под гнетом меньшинства, тем самым оправдывая любую агрессию как «освободительную борьбу». Эти акции не были просто выражением частного мнения; это были публичные ритуалы расчеловечивания, направленные на то, чтобы сделать насилие в отношении конкретной группы людей не только возможным, но и желательным.

Весь этот период — с 2009 по 2016 год — можно охарактеризовать как долгую подготовку перед возможным социальным взрывом. Пермь усилиями небольшой, но активной группы лиц превращалась в зону высокого межэтнического напряжения. Власти долгое время предпочитали трактовать происходящее как «дискуссию общественности», что лишь подзадоривало радикалов.

Финал этого этапа наступил лишь через несколько лет, когда количество перешло в качество, а риторика ненависти стала представлять угрозу уже для самой государственной системы, не терпящей несанкционированного хаоса. В апреле 2019 года Дзержинский районный суд Перми вынес приговор. Роман Юшков и его ближайшие сподвижники были признаны виновными в разжигании ненависти и вражды по статье 282 Уголовного кодекса РФ. Суд подтвердил, что их деятельность вокруг строительства общинного центра не имела ничего общего с градостроительным активизмом, а была направлена исключительно на возбуждение национальной и религиозной розни.

Тем не менее, судебный вердикт стал лишь юридической точкой, но не социальным решением. Деятельность Ошмарина, Юшкова, Зыкиной и Касьянова продемонстрировала, что

«репетиция погрома» начинается не с первого удара камнем в окно, а с первого слова, объявляющего соседа «нечеловеком». Идеологам ненависти удалось на время отравить общественное пространство города.

Осень 2022 года стала периодом, когда идеологическое сопровождение военных действий России на территории Украины достигло своего пика в поиске метафизических смыслов. В этот момент в государственном дискурсе произошел качественный сдвиг: от риторики «денацификации» аппарат безопасности попытался перейти к концепции «десатанизации». Именно в этом контексте 25 октября 2022 года на страницах еженедельника «Аргументы и факты» появилась программная статья, вызвавшая беспрецедентный политический резонанс.

Её автором выступил Алексей Анатольевич Павлов — на тот момент не просто публицист, а помощник секретаря Совета безопасности РФ Николая Патрушева и генерал-майор ФСБ.

Статья под кричащим заголовком «Что варят в «ведьмином котле. На Украине набрали силу неоязыческие культы» представляла собой квинтэссенцию того, что можно назвать зеркальной пропагандой. В рамках этой логики противнику приписываются не просто политические заблуждения, а глубокое религиозное и психическое перерождение. Павлов утверждал, что современная Украина превратилась в «тоталитарную гиперсекту», где под руководством западных кураторов традиционные ценности были замещены неоязычеством и деструктивными культами.

Автор жонглировал именами и названиями: от сайентологов и неопятидесятников до прямых обвинений в сатанизме. Однако критическая ошибка, которая спровоцировала скандал вокруг текста, заключалась в его решении включить в этот список движение Хабад-Любавич. Павлов в своей публикации прямо назвал любавичский хасидизм сектой. Он утверждал, что *«главным жизненным принципом любавичских хасидов является превосходство сторонников секты над всеми нациями и народами»*.

Подобный пассаж, опубликованный от лица человека, работающего в святой святых российской государственной безопасности, мгновенно вывел ситуацию за рамки привычной антиукраинской пропаганды. Это был прямой выпад против одной из крупнейших и наиболее влиятельных религиозных организаций внутри самой России. Реакция последовала незамедлительно и была предельно жесткой.

Главный раввин России Берл Лазар, который на протяжении десятилетий выстраивал конструктивный диалог с Кремлем, выступил с резким заявлением. Он сказал, что такие формулировки «можно было бы назвать вульгарным антисемитским бредом», и подчеркнул, что речь идет об «оскорблении миллионов верующих евреев». Лазар подчеркнул, что движение Хабад является легитимной и фундаментальной школой иудаизма, а не «сектой», и напомнил, что подавляющее большинство раввинов, работающих в России, принадлежат именно к этому направлению.

Федерация еврейских общин России (ФЕОР) также квалифицировала статью как проявление «оскорбительного невежества», способного спровоцировать межконфессиональную рознь внутри страны. Острота момента заключалась в том, что в координатной сетке российской власти Хабад-Любавич рассматривался как значимый партнер. Нападение на него со стороны аппарата Совета безопасности выглядело как опасный симптом потери управления над идеологическими процессами.

Пропаганда, призванная демонизировать внешнего врага, внезапно обернулась против внутренних основ стабильности. Использование антисемитских клише для доказательства тезиса о сектантстве превращало саму российскую государственную мысль в заложницу радикальных маргинальных теорий, заимствованных из арсенала наиболее ненавистных антикультистов.

Осознание масштаба политического просчета произошло в рекордные сроки. Уже 28 октября 2022 года последовал шаг, практически не имеющий аналогов в современной российской политической культуре. Секретарь Совета безопасности Николай Патрушев выступил с официальными извинениями в письме, опубликованном на aif.ru, признав, что статья его помощника содержала «ошибочные строки о любавичских хасидах». Было особо подчеркнуто, что данная трактовка является «личной точкой зрения» Павлова и «ни в коем случае не является официальной позицией Совета безопасности РФ».

Силовики, привыкшие к безнаказанности в выборе средств для ведения информационной войны, перешли «красную линию». Попытка использовать псевдонаучные методы сектоведения для обоснования геополитического противостояния привела к тому, что в официальный дискурс просочились идеи, которые в цивилизованном обществе квалифицируются как разжигание ненависти.

Кейс Павлова демонстрирует механизм проникновения маргинальных идей в высшие эшелоны власти. В течение многих лет сообщество так называемых «сектоведов» и радикальных конспирологов находилось на периферии государственного внимания. Однако в условиях острого идеологического дефицита их наработки — концепции «промывки мозгов», «психотехнологий» и «религиозной экспансии Запада» — оказались востребованы аппаратом Совбеза. Павлов, вероятно, полагал, что действует в рамках общего тренда на радикализацию риторики, но не учел иерархию интересов. В мире антикультовой пропаганды легко потерять ориентиры: когда ты начинаешь верить в то, что враг управляется магическими заклинаниями или тайными культами, ты сам становишься проводником иррационального, разрушая при этом рациональные политические союзы.

Последствия для автора статьи наступили не сразу, но были неотвратимы. Несмотря на попытку Патрушева нивелировать скандал через «работу с автором», репутационный ущерб был слишком велик. 20 января 2023 года президент Владимир Путин подписал указ об освобождении Алексея Павлова от должности помощника секретаря Совета безопасности. Формально увольнение могло выглядеть как штатная ротация, но в экспертной среде и в широком общественном поле оно было воспринято однозначно — как прямой результат «хасидского инцидента».

Эта история стала важным уроком для всей системы российской пропаганды. Она показала, что использование образа врага как «религиозного иного» имеет свои пределы. Увольнение Павлова на время охладило пыл сторонников «десатанизации» в её наиболее радикальных формах, однако сам прецедент показал, насколько глубоко специфические антикультовые установки укоренились в сознании тех, кто отвечает за национальную безопасность.

В современной геополитической архитектуре трудно найти более яркий пример «двойной демонизации», чем движение Хабад-Любавич. Эта ортодоксальная иудейская организация оказалась в уникальном положении: в то время как российские радикальные «патриоты» и антикультисты рисуют её как передовой отряд американских спецслужб, их западные коллеги по конспирологическому цеху с не меньшим пылом доказывают, что Хабад является тайным инструментом Кремля, через который Владимир Путин контролирует Белый дом.

Эта зеркальность не случайна; она обнажает глубинные механизмы работы пропаганды, которая игнорирует объективную реальность ради создания удобного образа «империи зла», способного сплотить электорат вокруг идеи «внешней угрозы». Российский контекст этой кампании наиболее рельефно проявился в региональных конфликтах, среди которых ранее озвученная история пермского противостояния занимает центральное место. Идеологическая база этого процесса опиралась на специфический дискурс «духовной безопасности», основной тезис кампании гласил: фундаменталистский иудейский культ «Хабад-Любавич», управляемый из штаб-квартиры в Нью-Йорке, занимает последовательную антироссийскую позицию и действует в интересах западных центров силы. Риторика о «нью-йоркских кураторах» поз-

воляла перевести антисемитские выпады в плоскость защиты государственного суверенитета. Кроме того, это был классический пример того, как псевдонаучное «сектоведение» дает радикалам моральную санкцию на насилие, маскируя его под борьбу с «иностранным влиянием».

Удивительно, но ровно в то же время на другом конце океана начал формироваться диаметрально противоположный миф. В американском информационном поле, в отдельных конспирологических и активистских медийных сегментах (включая часть анти-трамповской аудитории) Хабад стали изображать как «теневой канал связи с Путиным». Ряд публицистов и блогеров, включая Дэйва Троя и Джима Стюартсона, в последние годы активно продвигают нарратив, в котором Хабад выступает центральным узлом «паучьей сети» (Spider Web) — глобального заговора, связывающего российский капитал, Кремль и американское правое крыло. В этой версии реальности Хабад уже не «агент США», а инструмент российского влияния, через который Москва якобы манипулирует Джаредом Кушнером и самим Трампом. Сторонники этой теории, включая известного эксперта по деструктивным культам Стивена Хассана, адаптируют сектоведческую риторику под американские реалии. Если в России Хабад обвиняют в связях с ЦРУ, то в США его связывают с олигархическими структурами, близкими к российскому президенту. В западных социальных сетях, особенно на платформе X, широко распространяется образ Берла Лазара как «раввина Путина», который якобы является личным связным между Кремлем и еврейскими бизнес-элитами на Западе. Через этот образ транслируется идея о том, что Кремль контролирует ключевые политические фигуры в Вашингтоне посредством религиозно-деловой сети, имеющей свои корни в Бруклине. Таким образом, Хабад превращается в универсальное пугало: для одной стороны — это «щупальца Вашингтона», для другой — «длинная рука Москвы».

Ключевую роль в создании этого смыслового тупика сыграла методология используемая и продвигаемая Александром Дворкиным. Его концепция «тоталитарной секты», лишенная четких юридических критериев и опирающаяся на эмоциональную нагруженность, оказалась удобным (в публицистическом и пропагандистском смысле) инструментом для политической инструментализации. Риторика Дворкина универсальна: её легко можно развернуть в любую сторону. В российском контексте она обслуживает изоляционизм, помогая маркировать любые транснациональные связи как подозрительные и враждебные. Однако та же самая логика «закрытой группы с тайными целями» прекрасно ложится в канву американской конспирологии о «русском вмешательстве». Западные критики Хабада фактически используют те же методы расчеловечивания и демонизации, что и их российские оппоненты, просто меняя флаги на карте геополитических интересов. Если в России это «секта ЦРУ», то на Западе это становится «сектой Кремля», но в обоих случаях организация лишается своей религиозной субъектности и превращается в политический симулякр.

Центральной фигурой, на которой замыкаются оба нарратива, является главный раввин России Берл Лазар. В этом кроется главный парадокс зеркальной пропаганды. Для российских патриотов он остается символом западного проникновения, человеком, чья лояльность якобы принадлежит Нью-Йорку, а не Москве. Его попытки выстроить конструктивный диалог с государством воспринимаются радикалами как «захват власти» и «оккупация духовного пространства». В то же время для американских конспирологов Лазар — это олицетворение путинского влияния, «агент Кремля» в мессианском облачении, чья задача — через религиозные связи открывать двери в высокие кабинеты Запада для российских интересов. Тот факт, что обе эти позиции исключают друг друга, совершенно не смущает их приверженцев. Пропаганда не ищет логической непротиворечивости; она ищет наиболее эффективный способ вызвать страх и отторжение. Берл становится заложником своей посреднической роли. Его близость к представителям российской власти, за рубежом трактуется как доказательство его работы на российские спецслужбы. И наоборот: международные контакты Хабада, естественные для глобального религиозного движения, в России объявляются шпионажем. Это создает ситуацию, в

которой любая деятельность организации — от благотворительности до строительства синагог — может быть истолкована как враждебная акция, в зависимости от того, из какой столицы на неё смотрят.

Непреренно хочется сделать важный вывод о природе современной конспирологии. Она больше не является уделом маргиналов; она стала инструментом большой политики, где антикультистская риторика используется для делигитимации оппонента. Конспирологическое мышление игнорирует реальные социальные и религиозные процессы, заменяя их плоскими схемами, где всё управляется из единого центра — будь то «вашингтонский обком» или «кремлевские башни». Зеркальная пропаганда вокруг Хабада показывает, что в мире, разделенном геополитическими разломами, истина становится первой жертвой. Реальный Хабад — со своей историей, теологией и социальной деятельностью — исчезает, уступая место пропагандистскому фантому. Этот фантом удобен тем, что он позволяет оправдывать любые ограничения гражданских свобод и религиозной жизни «высшими интересами национальной безопасности». В конечном итоге, борьба с «агентами влияния», с какой бы стороны она ни велась, оказывается борьбой против самого принципа открытого общества и права на культурную само-бытность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.